

Он не знал, как сложились их обстоятельства и как все закончилось так трагично. Однако он знал, что когда он впервые увидел этого молодого человека, единственная мысль, которая пронеслась в его мозгу, была о том, что он его.

И, как и положено на его участке, никто не осмелился опровергнуть этот факт.

Молодого человека пришлось долго уговаривать, но в конце концов он сдался, и они были счастливы, по крайней мере, какое-то время.

Он был доволен тем, что его возлюбленная ничего не знала о его планах. Сердце молодого ворона было таким же чистым, как его фарфоровая кожа, и таким же ясным и светлым, как его изумрудные глаза, и поэтому он знал, что молодой человек не одобрит его.

Конечно, секреты никогда не остаются в тайне надолго, и они не раз ссорились по этому поводу, как только это стало известно, через немного брызг пунцового цвета, которые он не позаботился удалить. Мерзкие маглы.

Он не гордился тем, что они ссорились, но не тогда, когда видел слезы, которые его маленькая любовь пыталась скрыть за хрупкими улыбками, когда он просил прощения у своего ворона. Они оба знали, что это лишь пустые слова, чтобы отгородиться от дальнейших неприятностей, но ворон простил его безоговорочно.

На самом деле, это превратилось в извращенный танец, когда они разделили свои потрепанные реальности, пытаясь сохранить рассудок в постоянно нарастающем безумии.

Ни один из них не хотел сдаваться, и оба были убеждены, что смогут как-то убедить другого...

До того рокового дня.

Салазар, глядя на бледную и безжизненную фигуру своего любовника, наконец-то смог признать себе, что он все испортил.

Он сделал это с ним. Это он не смог отпустить единственную связь, которая до последнего связывала его с человечеством, и в итоге все равно потерял своего драгоценного ворона.

Воспоминания о страхе и боли в глазах любимой преследовали его, когда он каждый раз будил ее противоядием, и каждый раз он терял все большую часть своего сердца, когда глаза любимой тускнели настолько, что больше не могли видеть его, а мелодичный голос любимой становился лишь далеким воспоминанием, которое можно было увидеть в пенсне.

Поначалу это казалось идеальным решением. Дренажа будет достаточно, чтобы его любовь не покинула его в темноте ночи, и он собирался использовать его только до тех пор, пока не убедит своего ворона, что это необходимо сделать, что волшебный мир должен быть очищен.

Тогда он положит весь мир к ногам своей маленькой любви, и тот ни в чем не будет нуждаться, поскольку одна лишь просьба позволит Салазару исполнить любое его желание...

Салазар горько усмехнулся, протянув руку, чтобы погладить лицо своей любви, но остановился. У него больше не было права прикасаться к нему.

Теперь он знал, что его Адриан не хотел, чтобы весь мир лежал у его ног. Его устраивала та жизнь, которой они уже жили. Чувство безнадежности наполнило его, и он едва успел подчинить себе свою магию, как полки в комнате начали дребезжать, словно в чистом страхе перед затаившейся в нем яростью.

Ярость и на себя, и на напоминания, которые лежали нетронутыми в этой комнате, забытые временем.

Он хотел уничтожить эту комнату, уничтожить всю палату и, возможно, даже сам Хогвартс. Он хотел, чтобы ничего не осталось от тюрьмы, в которую он превратил их дом, от напоминаний о его неудачах, и все же он больше не имел права ничего делать.

Пошатываясь, он достал пузырек из кармана своей темно-изумрудной мантии. На мантии гордо красовался герб Слизерина, и все же даже он мог видеть иронию в перевоплощении в свой собственный род.

Том Марволо Слизерин, также известный как Волдеморт, был весьма доволен, когда его сын оказался очень сильным волшебником, и Салазар наслаждался похвалой самого страшного человека в Британии... до того дня, когда ему исполнилось семнадцать лет.

Воспоминания, нахлынувшие на Салазара в ту ночь, заставили его покрыться холодным потом, и он несколько дней подряд не выходил из своей комнаты, пока не разобрался во всем этом.

Разговор с отцом после этого не стал менее приятным, так как Салазар понял, что его отец по-прежнему полностью следует идеалам, которые он записал в своих дневниках, и даже реинкарнированная форма самого Салазара Слизерина не сможет удержать его от крестового похода.

В конце концов они поссорились, и Салазар ушел. Он не мог снова стать тем мальчиком, которым был до возвращения воспоминаний. В этой жизни он может быть Темным Наследником, но он выберет для себя другой путь, и у него был второй шанс все исправить.

Он легко захватил одно из своих старых хранилищ, которое было заперто с помощью комбинации духа, крови и парселтонга. После этого гоблины с большим нетерпением ждали,

когда он устроится на новом месте. Они не хранили верность Тьме, но реинкарнация изначальной четверки - это совсем другое стадо тестралов.

Салазар склонился над тихой фигурой своей любви. Заклинания Хогwartса позаботились о том, чтобы в комнате не было ни пылинки, а души эльфов, служивших ему в прошлой жизни, все еще оставались, чтобы исполнить свой долг перед его возлюбленной.

Мучительно медленное вздымание и опадание груди молодого человека вселяло надежду, что он не сломал тело своего ворона до неузнаваемости, чего нельзя было сказать о его разуме.

У Салазара защемило в груди, когда он вспомнил, как в последний раз будил юношу.

Он искал неясные заклинания, позволяющие проследить родословную того, на кого они наложены, и для этого ему пришлось посетить некоторые святилища, найденные в Экипте.

Он знал, что поездка будет долгой, и даже Хельга смотрела на него с беспокойством, пока он собирал свои вещи. На самом деле, в последнее время остальные трое часто этим занимались.

Эта мысль вернула его мысли к Адриану. Ему действительно нужно было предупредить свою любовь, что его не будет некоторое время. Возможно, молодой человек и не чувствовал хода времени, но Салазару становилось легче на сердце, когда он говорил с ним, даже если тусклые глаза каждый раз резали сердце.

Остальные не знали о Хадриане, поскольку это случилось до их приезда. В то время Хогwartс был известен как замок Слизерина, и никто не задавался вопросом, когда он исчезал на несколько часов подряд. Не то чтобы они имели на это право, мысленно усмехнулся он.

Он спокойно отмахнулся от беспокойства Хельги и притворился уставшим, чтобы женщина отступила. Как только она ушла, он запер свои покои изнутри, а затем вошел в тайные коридоры, которые были частью оригинального замка Слизерина.

Никто больше не знал о них, и он старался, чтобы так и было, поскольку многочисленные проходы были заблокированы, и войти в них мог только тот, в ком текла кровь Слизерина.

Наконец он пришел в палату и потратил некоторое время на подготовку помещения. Адриан отказался есть, но это давало Салазару чувство покоя, когда он пытался заставить себя поверить, что хотя бы на несколько секунд огромная зияющая пропасть, которая теперь была их отношениями, снова стала целой.

Его сердце колотилось в груди, когда он готовился снова разбудить свою любовь, надеясь, что, проснувшись, он увидит огонь в этих глазах. К этому времени он уже отчаялся принять любую реакцию своей любви за благословение, но, увы, этому не суждено было случиться.

Холодные, тусклые, изумрудные, глаза юноши открылись автоматически, но в них не осталось даже узнавания. Салазар почувствовал, как необъяснимая ярость переполняет его, когда он наконец достиг предела.

Он знал, что разглагольствовал и бредил как безумец в течение часа или двух, прежде чем заключить свою маленькую любовь в объятия и заснуть. На самом деле, часть его рассуждений сейчас сводилась к тому, что он дал Адриану единственный шанс спастись от чудовища, в которое превратился Салазар.

Но утром Адриан лежал в той самой позе, в которую Салазар переместил его, когда он заснул рядом с ним, глаза все еще были открыты, и перьевые ресницы падали на атласную кожу, когда он рефлекторно моргал каждые несколько секунд.

Больше он ничего не мог сделать. Но Салазар отказался лишить Адриана жизни, поэтому он просто отправил его снова спать. Он по-прежнему собирался искать информацию в святилищах, но теперь к этому добавилась новая цель.

Он должен был найти способ вернуть свою маленькую любовь из бездны, в которую превратился его разум...

Жаль, что он потерпел неудачу в обоих случаях, когда много лет спустя он в шоке смотрел на багровые пятна на своей рубашке, на его кровь, падающую на последнюю жертву, и на печальные, разбитые глаза своего старого друга Годрика, когда тот вынимал знаменитый Экскалибур из того места, где он пронзил сердце Салазара.

Салазар поморщился при этом воспоминании. Годрик сделал все, что должен был сделать, чтобы остановить его в тот момент. Он медленно сходил с ума, все его мысли и намерения были поглощены необходимостью очистить волшебный мир и возродить свою любовь.

Он позволил своим мыслям поглотить его, глядя на пузырек в своих руках. Ему не удалось найти способ вернуть Адриана в прежнее состояние, но он не хотел больше держать его под сонным зельем.

Даже если бы ему пришлось отказаться от остатка жизни, чтобы заботиться о своей любви, он бы сделал это безропотно. Он знал, что Адриан снова начнет стареть, как только сонное зелье полностью покинет его организм, но это было нормально. Сейчас они оба были в одинаковом возрасте, и Салазар надеялся, что сможет оставаться с ним до конца.

Он пересел на кровать.

Его руки так и чесались провести по бледной коже, но он лишь позволил своим пальцам провести по губам Адриана, а сам двинулся, чтобы влить зелье в его горло, но остановился, когда пузырек коснулся губ его маленькой любви.

Затем он немного замешкался, прежде чем слегка откинуться назад и влить зелье в живот Адриана, как он делал с тех пор, как Адриан почти беззвучно задохнулся в своем кататоническом состоянии.

Конечно, глупо было предполагать, что Адриан проснется и улыбнется ему, но он нахмурился, когда глаза Адриана закрылись, и неконтролируемый страх охватил его, когда он заставил себя набраться терпения.

Никого еще не заставляли спать так долго, как Адриана, а противоядие было единственным способом устранить последствия сквозняка. Пока же он продолжал бдеть и ждать.

Салазар встал с кровати, хотя все его существо кричало, чтобы он обнял Адриана и еще раз прижал его к себе. Он не имел права, напомнил он себе, прежде чем двинулся собирать вещи, оставленные в комнате.

Он не хотел, чтобы Адриан оставался здесь хоть на мгновение дольше, и как только все было уложено в сумку, он нерешительно двинулся к Адриану.

Только один раз... - пообещал он себе, наклонясь, чтобы прижать маленькое тело к груди. Чувство вины неуклонно росло, когда он легко взял его на руки, но он отбросил его. Он постарается искупить свою вину.

<http://tl.rulate.ru/book/66156/1750522>